Текст · 16 ноября 2023, 12:44
Елизавета Нестерова,

Ценник свободы. Чем запомнится суд над Сашей Скочиленко, приговоренной к 7 годам по делу о военных «фейках»

«Я не поддерживаю войну в Украине!» — писала художница и музыкантка Саша Скочиленко в своем инстаграме 24 февраля 2022 года. В этот же день она вышла на митинг в центре Петербурга, а уже через полтора месяца стала одной из первых обвиняемых по новой тогда уголовной статье о военных «фейках». Скочиленко провела в СИЗО больше полутора лет за то, что заменила ценники в супермаркете «Перекресток» на антивоенные стикеры. Суд над ней стал одним из самых резонансных процессов в стране — не в последнюю очередь из-за беспрецедентного давления на девушку со стороны администрации изолятора, судьи и гособвинения, называвшего акцию Скочиленко «жестоким преступлением». 33-летнюю художницу приговорили к семи годам заключения. «Медиазона» напоминает о самых вопиющих нарушениях во время процесса.

Скочиленко травили сокамерницы, администрация СИЗО не реагировала на жалобы

Первые недели в изоляторе Саша Скочиленко провела в камере на 18 человек. Почти сразу другие арестантки начали ее травить[1]: их возмутило, что

Саша и ее адвокат подавали жалобы на условия

содержания, потому что «у них это не принято». К ней начала придираться старшая по камере, а следом и другие соседки: они указывали, во сколько слоев складывать тряпку при уборке камеры, какой стороной держать веник и с какого края начинать мести комнату.

Соседки запрещали Саше есть в течение дня то, что близкие приносили ей в передачах, — только во время завтрака, обеда и ужина. Остальные женщины в камере могли принимать пищу в любое время. Вскоре появились еще «правила»: Саше нельзя было открывать холодильник, а еду из передач ей велели хранить под кроватью старшей по камере. Часть продуктов Скочиленко заставляли выкидывать, поскольку «в камере мало места». Затем другие арестантки стали заставлять Скочиленко каждый день перестирывать одежду — в том числе толстые свитера и теплый халат, и говорили, что от нее «плохо пахнет».

Так Скочиленко провела месяц. Когда состояние здоровья художницы резко ухудшилось, администрация колонии перевела ее в медсанчасть, где девушка находится до сих пор.

За время ареста и суда самочувствие художницы ухудшилось

У Скочиленко диагностированы целиакия, врожденный порок сердца, биполярное расстройство, ПТСР и кисты в обоих яичниках. В суде выступали врачи, которые, несмотря на противодействие администрации изолятора, смогли осмотреть

девушку в СИЗО. По словам всех специалистов, условия в заключении и график судебных заседаний плохо повлияли на состояние художницы.

Кардиолог Дарья Харщевская заключила, что Скочиленко через полгода может понадобиться кардиостимулятор. Из-за того что в СИЗО ей не могли оказать должную медицинскую помощь, а в суде часами не разрешали пить и принимать прописанные лекарства, остановки сердца за последние месяцы у Саши увеличились до трех секунд. Из-за замедления сердечного ритма у нее уже начались обмороки. Таким пациентам в нормальной ситуации полагается постоянное наблюдение близких и систематические медобследования, разрешение на которые в СИЗО не дают.

Гастроэнтеролог Мария Алехина тоже отметила несоблюдение показаний врача. Она подтвердила, что у Скочиленко целиакия — наследственное аутоиммунное заболевание пищеварительного тракта, ее организм не переносит глютен. И если сразу после ареста администрация СИЗО прямо отказывалась обеспечить ее специальным питанием, то после стремительного ухудшения состояния Саши, почти через месяц после ареста, ей все же согласились готовить горячую безглютеновую пищу. Сама Саша в суде рассказывала, что в СИЗО это невозможно: «Иногда мне приносят суп, в котором плавает макаронина или перловка — эту еду мне есть уже нельзя». По ее словам, из-за этого после каждого приема пищи у нее появляются симптомы сильного отравления: тошнота, резкие боли в животе и головокружение.

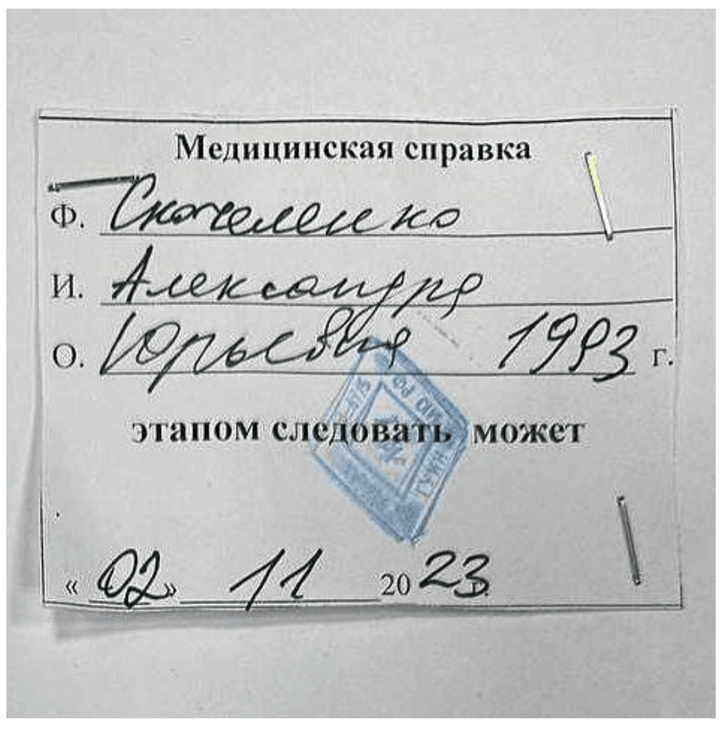
Со временем гормональные проблемы тоже усугубились: если несколько месяцев назад у Скочиленко фиксировали кисту только в правом яичнике, то в медицинском заключении, оглашенном 2 ноября, говорится о кистах уже в обоих. Регулярно принимать гормональные препараты Скочиленко не может — в СИЗО ей не всегда выдают нужные лекарства, а в суде просто не дают перерывы, чтобы их принять.

Психотерапевт Кондуров, который смог осмотреть Скочиленко в СИЗО, подтвердил, что у Саши биполярное расстройство и ПТСР, а также отметил ухудшение состояния из-за того, что ей не всегда дают принимать лекарства, а также препятствуют сессиям с психотерапевтом и осмотрам психиатра.

По его словам, перебои в приеме прописанных Саше лекарств могут вызвать припадок.

Справки о состоянии здоровья Саши СИЗО выписывало без ее осмотра врачами

Несмотря на то, что защита в течение всего года приглашала в суд самых разных врачей, которые под присягой свидетельствовали, что у Скочиленко есть серьезные заболевания, которые к тому же усугубляются в СИЗО, прокуратура и судья Оксана Демяшева ставили этот факт под сомнение.

Медицинская справка. Фото: Свободу Саше Скочиленко! / Telegram

На заседании 14 сентября прокурор Александр Гладышев попросил суд направить администрации изолятора, где содержится Скочиленко, запрос на получение информации о ее здоровье. С того момента на каждое заседание из СИЗО приходила справка — маленький клочок бумаги со словами: «Этапом следовать может». В большинстве справок не указано, кто проводил осмотр, потому что для их оформления, по словам Скочиленко, ее никто не осматривал.

После замечаний защиты из СИЗО все же прислали бумагу с фамилией неизвестного Саше фельдшера,

который якобы осмотрел ее в СИЗО. Скочиленко рассказала, что такого фельдшера никогда не видела, а время, указанное в справке, не может быть временем осмотра: в указанный час ее конвоировали в суд.

В одной из следующих справок подписи и времени осмотра снова не было, а фамилия и год рождения Саши были написаны с ошибками.

Судья не разрешала делать перерывы, прокуроры смеялись над болезнями Скочиленко

За тот год, что суд рассматривал дело, у Саши несколько раз менялись прокуроры, всего их было четверо. Задержались в деле гособвинители Ирина Никандрова и Александр Гладышев. Оба с сарказмом отнеслись к диагностированным у подсудимой болезням.

Так, например, на одном из заседаний, когда защита напомнила суду о тяжелом состоянии здоровья Скочиленко, прокурор Никандрова рассмеялась в голос. Хорошим поводом для шуток болезни Скочиленко посчитал и прокурор Гладышев: на заседании 22 июня он решил, что будет остроумно предложить группе поддержки освободить зал, чтобы Саше «дышалось свободнее».

На заседании 15 сентября Гладышев после перечисления многочисленных положительных характеристик личности Скочиленко спросил у нее: «А в детском саду вы хорошо себя вели? Ели кашу манную?». Саша назвала этот вопрос

некорректным и оскорбительным: «В материалах дела есть информация о том, что в детский сад я не ходила по состоянию здоровья. К тому же из-за того, что у меня целиакия, манную кашу мне нельзя. Может быть, я хотела ходить в садик, как все дети, но я не могла. Считаю это давлением на меня в судебном заседании».

Судья Демяшева, в свою очередь, постоянно отказывала Скочиленко даже в коротких перерывах, из-за этого девушка часами не могла сходить в туалет, принять лекарства, поесть или попить — брать с собой воду в клетку ей было запрещено.

На заседании 29 сентября Саше стало плохо в суде, ей вызвали скорую. Врачи сказали, что на состоянии Скочиленко сказалось то, что она двое суток подряд не ела: рано утром до завтрака ее увозили из СИЗО в суд, там несколько часов держали в конвойном помещении без еды (для поездок в суд положен сухпаек, но в нем нет безглютеновой пищи), а с заседания судья Демяшева отпускала Скочиленко поздним вечером, поэтому Саша не успевала и на ужин в изоляторе.

Демяшева отказалась отпустить Скочиленко до закрытия суда даже 11 октября — в тот день ее привезли в суд с кардиомонитором. Саша просила отложить заседание: ей нужно было срочно поменять в аппарате батарейку, чтобы с большим трудом согласованное обследование не сорвалось. Судья ответила, что Скочиленко «была заранее предупреждена о заседании и могла подготовить монитор». В тот день Саша впервые за полтора года расплакалась в зале суда.

Ни один свидетель так и не дал показания против Скочиленко в суде

В суде были допрошены два свидетеля обвинения, и оба не смогли повторить свои показания против Саши, данные в СК. Один из них, друг Скочиленко Алексей Николаев, в Василеостровском суде сказал, что на допросе он оказался после обыска: силовики попали в его квартиру, сказав, что ищут пропавшего пятилетнего мальчика. Уже в квартире оперативники показали ему фотографию Скочиленко, и Николаев понял, что мальчика они выдумали. Силовики осмотрели помещение, прочитали переписку со Скочиленко и ничего не изъяли. 22 марта в суде Николаев отказался от своих показаний, отметив, что на допросе он волновался «или следователь не так записал».

Еще один свидетель обвинения — военнослужащий Станислав Оженков. На допросе у следователя он сообщил, что информация на антивоенных ценниках Скочиленко была ложной: по его словам, в подконтрольной ему дивизии, воевавшей в Украине,

колоссальных потерь не было. Но ничего о самой акции Скочиленко он рассказать не смог.

— Вам что-нибудь известно о размещении псевдоценников? — спросила у него прокурор.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

— Потрясающе.

После этого обвинение не вызывало ни одного свидетеля в суд и только зачитывало письменные протоколы допросов в СК — в том числе и показания пенсионерки, которая, по версии следствия, заметила ценники с антивоенными высказываниями в магазине. Помимо протоколов, гособвинитель зачем-то посвятила почти целое заседание оглашению должностных инструкций сотрудников «Перекрестка»: кассира, пекаря, ассистента консультанта и менеджера.

Авторы лингвистической экспертизы нашли «политическую ненависть» в словах «цинковые гробы»

Большую часть времени защита посвятила лингвистической экспертизе обвинения. Эксперты Анастасия Гришанина и Ольга Сафонова пришли к выводу, что Саша Скочиленко распространяла «фейки» о российской армии «по мотивам политической ненависти». Несмотря на то, что обе экспертки несколько недель подряд игнорировали повестки в суд, защита все же смогла их допросить.

На суде Сафонова признала: нельзя утверждать, что Скочиленко намеренно отразила в ценниках ложную информацию. Услышав ее ответ, прокурор потребовал немедленно прекратить допрос и отложить заседание.

Экспертка Анастасия Гришанина нашла в ценниках «мотив политической ненависти». По ее мнению, это подтверждают использованные слова «цинковые гробы» и «остановите войну». «Человек, который воспринимает информацию о гробах как истинную, проявляет ненависть», — объяснила свои выводы Гришанина. Она также признала, что не оценивала достоверность фактов на ценниках Скочиленко (хотя назвала утверждения на них «фейками»), а лишь сравнивала информацию с официальной информацией от Минобороны. «Официальная равно достоверная», — заключила она.

Уже на заседании 27 октября выяснилось, что эксперты оценивали даже не все наклеенные Сашей ценники — один из них следователь Проскуряков просто потерял.

Обвинение ставило художнице в вину ее оппозиционные взгляды

Прокурор Александр Гладышев к окончанию судебного следствия окончательно перестал скрывать, что считает преступлением сам факт того, что Скочиленко не поддерживает войну и действующую власть. На заседании 28 сентября он сообщил, что информацию о военных действиях Саша получала от «натовских прихлебателей».

6 июля гособвинитель просил не отпускать Сашу из СИЗО под домашний арест, объясняя это тем, что расклейка антивоенных ценников — «жестокое преступление»: «СИЗО не жестокая мера, а жесткая... А вот преступления Скочиленко — жестокие, потому что они подрывают основы государственного строя». На возражения защиты он отвечал: «Я тут представляю государство, и правда на моей стороне».

Правда, уже на заседании 28 сентября Гладышев говорил, что «защиту Скочиленко осуществляют квалифицированные защитники, но ее права также защищает и прокурор». В этот же день психотерапевт Саши пытался объяснить в суде, что она человек впечатлительный и под воздействием новостей о военных действиях решилась на художественную акцию. Прокурор Гладышев сделал из этого неожиданный вывод: «То есть правильно ли я понял, что если бы она получила иную информацию, она пошла бы убивать людей?».

27 октября в суде допрашивали политолога Александра Сунгурова, который пояснял, что в действиях и словах Скочиленко нет и намека на «политическую ненависть», а значит, нет ничего экстремистского и радикального в расклеивании антивоенных ценников.

— А может быть ненависть и вражда у людей, которые не готовы к радикальным преступлениям? — поинтересовался Гладышев.

— Вы говорите о мыслепреступлении. Почитайте «1984» Оруэлла. Он там пишет о том, что такое мыслепреступление: неважно, что вы сделали, а важно, что вы подумали. Если человек о чем-то думает и мечтает, но не делает в этом направлении, то это не дело уже исследования правового.

— Но все бывает когда-то в первый раз, — ухмыльнулся прокурор Гладышев.

Суд пытался бороться с группой поддержки, в том числе с помощью слезоточивого газа

В интервью «Медиазоне» из СИЗО художница отмечала, что ей очень важна поддержка. «Несмотря на то, что я вижу их за весь суд от трех до 15 минут[2],

для меня это огромная поддержка, я ощущаю тепло, эйфорию и то, что я не одна. Это самый лучший момент за весь день суда!» — отмечала художница. На продления ареста, а затем и на заседания по делу действительно с самого ареста ходили десятки человек. Большинство из них в зал не попадали

и по несколько часов стояли в коридоре, чтобы в короткий момент конвоирования крикнуть Саше слова поддержки.

Суд не один раз пытался отбить желание у слушателей приходить на заседания. Так, 15 февраля судья Демяшева стала под протокол проверять и нарочито громко зачитывать паспортные данные всех, кто смог попасть в зал, хотя у каждого пришедшего документы проверили еще на входе в суд.

В другой день приставы Василеостровского суда получили указание оттеснить группу поддержки не только от входа в зал, но и из коридора, по которому Сашу заводили конвоиры, так, чтобы подсудимая не видела тех, кто пришел ее поддержать, за спинами приставов. А после заседания 15 сентября один из конвоиров даже применил против пришедших в суд слезоточивый газ — задыхаясь, люди покидали здание. После этого девушку Скочиленко Соню Субботину увезли в больницу на скорой.

За время ареста Скочиленко у ее девушки обнаружили рак

18 июня стало известно, что у девушки Скочиленко Сони Субботиной обнаружили рак. 19 июня она пережила операцию. Саша узнала о болезни Сони от адвокатов. Через них она передала группе поддержки текст поста, который был опубликован в телеграм-канале Скочиленко перед очередным заседанием суда:

«За этот год на мою долю выпало множество испытаний, но некоторое время назад случилось

самое страшное. Моя возлюбленная Соня сказала мне, что у нее рак. Я до сих пор нахожусь в состоянии шока и пытаюсь осмыслить эту информацию. Я должна была быть с ней рядом и держать ее за руку, когда пришли результаты обследований. Соне предстоит операция, и я должна была бы приехать к ней в больницу. Все это невозможно, и я испытываю от этого большую боль. Мне страшно за любимого человека. В то же время я испытываю благодарность тем людям, которые поддерживали нас и жертвовали нам деньги. Именно благодаря вам мы смогли оплатить необходимые процедуры и обследования. Я уверена: мы победим, мы справимся. Мы будем вместе».

Вечером 20 октября конвоиры отказались выводить Сашу из зала на разрешенные судьей 15 минут, чтобы она попила воды. Короткий перерыв девушка провела в клетке. Сотрудники ФСИН объяснили это тем, что группа поддержки «мешала конвоированию». На самом деле всех слушателей сразу же оттеснили за дверь — между коридором и группой поддержки выстроилась цепь из приставов, никто не мог подойти к залу, откуда должны были вывести Сашу. Скочиленко просила суд объявить еще один короткий перерыв, но судья Демяшева ей отказала. Тогда Саша расплакалась. Поглядывая на нее, конвоиры ухмылялись, а секретарь суда еле сдерживала смех.

На заседании 13 ноября судья Демяшева окончательно потеряла терпение и отказалась проводить заседание в присутствии слушателей — несмотря на то, что рассмотрение дела шло в открытом режиме. После выступления адвоката Яны Неповинновой в прениях

в зале начали аплодировать. «Мы не в цирке!» — разозлилась Демяшева и потребовала, чтобы слушатели покинули зал, а затем перенесла заседание на следующий день и вышла сама.

16 ноября Саша выступила с последним словом; большинство людей были вынуждены слушать эту речь по неофициальной трансляции, поскольку не попали в зал. «Ваша честь! Своим приговором вы можете подать всем пример — пример того, как конфликт можно решить при помощи слова, любви, милосердия, сострадания, а не при помощи принуждения к так называемой правде посредством уголовного срока. Это станет большим шагом к уменьшению злобы, к оздоровлению и примирению общества», — обращалась Скочиленко к суду.

Судья Демяшева не вняла обращению Саши. Ей понадобилось всего два часа, чтобы написать приговор, отразив в нем сказанное на тридцати заседаниях — их было больше, чем по всем остальным антивоенным делам. Оглашение заняло несколько минут. Судья отправила художницу в колонию на семь лет.

Редактор: Мария Климова

---

1. Об этом «Медиазоне» рассказали девушка Скочиленко Соня Субботина и адвокат Яна Неповиннова.

2. Речь идет о заседаниях по продлению ареста, они проходили в закрытом режиме.